

Юаньцзин и Пань Цзяньцзюнь пожертвовали сном, потратив всю ночь на то, чтобы перевезти содержимое тайника в пустующий сихэюань Тао Юнго. Там же, в тишине старого двора, они и разделили добычу.

Пань Цзяньцзюнь поначалу отнекивался, но Юаньцзин настоял на своём. Эти богатства были нажиты нечестным путём, и он ни капли не жалел, отдавая половину. К тому же, разделив с напарником груз этой тайны, тот становился надёжным союзником, кровно заинтересованным в молчании.

Среди вещей оказалось несколько изделий из бронзы, фарфор и старинные свитки. Юаньцзин пока не мог оценить их истинную стоимость, решив дождаться подходящего момента для экспертизы.

— Если эти вещи окажутся действительно ценными, — предложил он, — когда-нибудь мы передадим их государству.

Цзяньцзюнь, потирая руки от возбуждения, соглашался на всё.

— Как скажешь, Юаньцзин. Я до сих пор будто во сне, — он несильно ущипнул себя за руку и вскрикнул от боли. — Невероятно... я и впрямь разбогател!

Раньше он не бедствовал, но в кармане у него редко водилось больше нескольких сотен юаней. Теперь же, если обменять причитающуюся ему долю золотых слитков и серебряных монет на наличные, выйдет несколько десятков тысяч. И это не считая антиквариата и ювелирных украшений. Чжэн Дали оказался не только жадным, но и на редкость беспринципным человеком.

— Помоги мне обменять эти слитки и монеты на деньги, — Юаньцзин отодвинул в сторону свою часть золота.

— Без проблем, всё сделаю в лучшем виде, — заверил его друг.

Оставшиеся ценности они упаковали в ящики. В течение следующих нескольких дней Юаньцзин, подобно трудолюбивому муравью, частями переносил вещи в свою комнату, стараясь не попадаться на глаза отцу. Он прятал их под кроватью, надеясь, что когда-нибудь они смогут увидеть свет. Юноша понимал: со временем ценность антиквариата будет только расти, тогда как золото разумнее превратить в деньги и пустить в дело уже сейчас.

Ради сохранности реликвий он даже засел за книги по архивному делу и реставрации. Эти вещи должны были достаться потомкам, и он не хотел стать тем, по чьей вине они обратятся в прах.

Цзи Чанлиню он ничего не сказал. Отец был слишком прямодушным и честным человеком: узнай он о происхождении этих сокровищ, непременно заставил бы сына сдать всё властям, невзирая на годы лишений на ферме. Но в характере Юаньцзина, закалённом в суровые времена конца света, жила определённая доля дерзости и строптивости.

Ему было чертовски любопытно: когда же Чжэн Дали обнаружит пропажу своих сокровищ?

Сам Лао Чжэн пока и думать не мог о том доме. Он был уверен, что тайник надёжно скрыт от чужих глаз. Даже собственной жене, Шэнь Хуэйцзюань, он не обмолвился ни словом — секрет, известный двоим, перестаёт быть секретом.

Самым большим предметом его гордости в жизни были две вещи: то, что он когда-то увел красавицу-жену у профессора университета, и этот погреб, полный золота. Больше всего на свете он любил пробираться в пустой дом и в одиночестве пересчитывать слитки, лаская их взглядом и мечтая о дне, когда сможет открыто распоряжаться этим богатством.

В суете переезда Чжэн Дали наконец нашёл подходящее жильё подальше от старых мест. Семья перебралась в просторный дом, детей устроили в новую школу. За исключением Чжэн Лаода, который остался недоволен переменами, все вздохнули с облегчением. Вдали от старых соседей никто не знал об их позорном прошлом.

На лицо Шэнь Хуэйцзюань вернулась улыбка, но Чжэн Хуа после случившегося замкнулся в себе. В его глазах появилась мрачная тень, он стал резким и непокорным. Клеймо «ублюдка» висело над ним как проклятие, готовое сорваться в любой момент. В глубине души юноша начал винить мать: зачем она обрекла его на такое бесчестье своим происхождением?

Как только быт на новом месте наладился, Чжэн Дали вспомнил о своём тайнике. В прошлый раз он уходил в спешке и теперь переживал, не оставил ли зацепок. Выкроив свободное время, он отправился к старому дому.

Едва открыв дверь, Лао Чжэн почувствовал, как сердце тревожно забилось. Дурное предчувствие охватило его. Проходя по двору, он заметил, что сорняки примяты — здесь явно кто-то ходил. Лицо Дали побледнело. Он бросился на кухню и остолбенел: чан для воды был сдвинут с места, и следы на пыльном полу выдавали это слишком явно.

Не заботясь о шуме, он рванул крышку погреба. Раздался резкий лязг. Чжэн Дали включил фонарь и направил луч вниз. Увидев пустую яму, он издал сдавленный, полный муки вопль и, закатив глаза, рухнул на пол. Он не потерял сознание, хотя в ту минуту готов был отдать всё, лишь бы провалиться в небытие.

— Украли... — Чжэн Дали задыхался от ярости. — Ха-ха... Всё подчистую! Кто?! Кто посмел забрать моё?!

Шэнь Хуэйцзюань прождала мужа весь вечер. Когда он не пришёл к ужину, она отправила старшего сына на его работу, но там сказали, что Лао Чжэн отпросился ещё после обеда. Семья поужинала без него, а затем дети отправились искать его по знакомым местам.

Лишь в полночь Чжэн Дали, похожий на живого мертвеца, переступил порог дома. Едва войдя, он рухнул на пол. Шэнь Хуэйцзюань, задремавшая в кресле, подскочила от шума и закричала, разбудив весь дом. Члены семьи выбежали в коридор и увидели отца: он лежал на досках, а изо рта его шла пена. В панике его немедленно повезли в больницу.

Диагноз был беспощаден: инсульт. Паралич.

Для Шэнь Хуэйцзюань мир рухнул. Чжэн Дали был опорой семьи, на его деньгах и связях держалось всё их благополучие. Как им теперь жить?

Над домом Чжэн сгустились сумерки. Болезнь главы семейства стала лишь началом конца: скрытые доселе конфликты и обиды начали всплывать на поверхность один за другим.

Юаньцзин узнал о болезни Чжэн Дали почти сразу. Пань Цзяньцзюнь продолжал следить за ситуацией, и новость о том, что старый лис слёг в больницу сразу после посещения пустого дома, доставила ему немалое удовлетворение. Это было логично: человек, годами копивший сокровища и в одночасье их лишившийся без возможности даже заявить в полицию, вполне мог лишиться чувств от ярости.

Юаньцзин лишь усмехнулся и выкинул семейство Чжэн из головы. Они больше не стоили его времени. Сейчас важнее было сосредоточиться на учёбе — это радовало и его самого, и отца.

Семестр подошёл к концу, и Юаньцзин блестяще сдал экзамены, заняв первое место в рейтинге курса. Занятия традиционной медициной он тоже не оставлял. Чжан Хэлю, гордясь успехами ученика, решил на время летних каникул взять его с собой для практических занятий.

Цзян Циншань тоже вернулся из части на несколько дней. Он остановился в сихэюане Юаньцзина. К тому времени Пань Цзяньцзюнь уже обменял золото и серебро на наличные, и Юаньцзин при его же помощи купил ещё один двор. Он пока не решил, будет ли там жить сам или найдет другое применение, время покажет.

Учитывая дом, купленный на деньги с сберегательной книжки отца, у Юаньцзина во владении было уже три сихэюаня. Иногда он думал, что мог бы уже ничего не делать в этой жизни — просто ждать, пока цены на столичную недвижимость взлетят до небес, и почивать на лаврах.

Цзи Чанлинь впервые увидел молодого человека, о котором сын так часто писал в письмах. Он

встретил Цзян Циншаня с искренней симпатией и благодарностью. Сын объяснил: именно благодаря Циншаню он смог освоиться в бригаде «Красная Звезда», и именно тот водил его на охоту, помогая выжить в трудные времена. Поэтому впечатление о госте сложилось самое благоприятное.

Перед отцом Юаньцзина предстал высокий, статный и очень красивый парень в военной форме.

— Циншань, — тепло поприветствовал его Цзи Чанлинь. — Сяо Цзин много о тебе рассказывал. Жаль, что служба не позволяла нам встретиться раньше. Спасибо тебе за всё, что ты сделал для моего сына.

У гостя при виде профессора сердце ушло в пятки. Ладони мгновенно вспотели от волнения — он никогда так не тушевался, даже когда шёл под пули. Он понимал: сейчас отец Юаньцзина смотрит на него с благодарностью, но стоит профессору догадаться о его истинных намерениях, как эта доброта сменится праведным гневом, и порог этого дома для него будет закрыт навсегда.

Циншань украдкой вытер ладони о брюки и отдал честь, но тут же спохватился, что это выглядит слишком официально. Он заставил себя улыбнуться, стараясь казаться мягче.

— Дядя Цзи, вы преувеличиваете. Это я должен благодарить Юаньцзина. Пока я был в части, он всё время присматривал за моей матерью.

Цзи Чанлинь кивнул, считая это само собой разумеющимся — ведь его сын жил в доме этой женщины.

— Ну, что мы стоим? Садись скорее. Сяо Цзин, налей гостю чаю. Поговорим по-простому, не стесняйся. Кстати, Циншань, когда ты перевезешь маму в столицу? Сын говорил, что ты тоже вложил в этот дом. К тому же, здесь столько места, нам с Сяо Цзином вдвоем слишком просторно. Было бы куда веселее большой компанией.

Юаньцзин заранее подготовил почву для этого разговора, и отец полностью поддержал его идею.

Цзян Циншань сел, но спину продолжал держать идеально прямой, словно на докладе у вышестоящего начальства.

— Я не раз пытался уговорить её, но мама ни в какую не хочет покидать родные места. Тем более сейчас, когда землю распределили по дворам. Ей досталось два му, и она так загорелась работой, что никакими коврижками её от этих грядок не оттянуть.

Цзи Чанлинь рассмеялся:

— Я понимаю её чувства. Для крестьянина земля — это корни. Раз она пока не хочет, договорись с родственниками и соседями, чтобы приглядывали за ней. А там, глядишь, через пару лет и сама созреет для переезда.

— Да, дядя, я так и сделаю, — послушно кивнул Циншань. Он и сам так думал, тем более что его собственная жизнь пока была лишена стабильности.

Цзи Чанлинь начал расспрашивать его о службе. Юаньцзин, наблюдая со стороны, видел, как Циншань старательно и вежливо отвечает на каждый вопрос, и не мог сдержать улыбки.

Он подошел, поставил чай перед ними и дружески хлопнул Циншаня по плечу. Тот вздрогнул и мельком взглянул на профессора. Убедившись, что тот ничего не заметил, Циншань улыбнулся Юаньцзину — на этот раз открыто и тепло.

— Папа, хватит допросов. Брат Цзян только с дороги. Давайте сегодня ходим в ресторан, поедим жареную утку.

— Хорошо, как скажешь, — тут же согласился отец.

Совместная прогулка и ужин помогли Цзян Циншаню окончательно расслабиться. Оставив на время свои тайные помыслы, он проникся к Цзи Чанлиню глубоким уважением. Профессор оказался человеком мягким, эрудированным и приятным в общении.

Цзи Чанлинь напоминал ему тех стариков из коровника — Чжан Хэлю и Хэ Цзиньдуна. Неудивительно, что они так легко нашли общий язык с его сыном. За эти несколько дней профессор по-настоящему привязался к молодому офицеру, начав относиться к нему как ко второму сыну.

Юаньцзин не мог проводить с ними всё время — у наставника были свои поручения, — но старался выкраивать каждую свободную минуту. Он понимал: Циншань скоро уедет, и неизвестно, когда они увидятся снова.

Наступил последний вечер перед отъездом. После ужина они вышли прогуляться. Заметив, что Циншань то и дело порывается что-то сказать, но медлит, Юаньцзин спросил прямо:

— Брат Цзян, что случилось?

Циншань глубоко вздохнул. Времени почти не осталось.

— Юаньцзин... Меня переводят. В южный военный округ. Теперь я смогу выбраться домой только в отпуск, и то не скоро. К тому же... на южной границе сейчас неспокойно.

У Юаньцзина дрогнуло сердце. Смутные воспоминания, дремавшие в глубине памяти, всплыли на поверхность. Он вспомнил, что в истории этого времени назревал конфликт с Вьетнамом. Неужели война уже на пороге? Циншань идет на фронт?

Он не мог спросить об этом прямо — простому студенту-медику неоткуда было знать о передвижениях войск. Юаньцзин остановился и поднял взгляд на мужчину. В груди шевельнулась острая тоска и страх. На войне пули не выбирают целей. Чем обернется этот поход для Циншаня?

Но он не мог просить его остаться. Это противоречило бы чувству долга самого Циншаня, да и сам Юаньцзин, прошедший через бесчисленные битвы в другом мире и никогда не отступавший, не нашел бы в себе сил просить его о дезертирстве.

Видя молчание Юаньцзина, Циншань решил, что тот расстроен. Он спрятал свои чувства за теплой улыбкой и осторожно коснулся волос юноши, погладив его по голове.

— Не переживай. Это обычное назначение. Просто жаль, что долго не увидимся. Присмотри за моей матерью, если сможешь.

Юаньцзин заставил себя улыбнуться в ответ:

— Что же ты раньше не сказал? Я бы приготовил тебе лекарств в дорогу. Ладно, как обустроишься — напиши адрес. Я соберу посылку с пилюлями и вышлю. На юге климат тяжелый, вдруг занеможешь.

— Хорошо. Спасибо тебе за заботу.

— А ты за мою не благодари.

Циншань рассмеялся, но в глубине его глаз застыла такая невыносимая нежность, что казалось, она вот-вот выплеснется через край. Он отчаянно хотел признаться во всём здесь и сейчас, но сдержался. Он уходил на войну. Что, если он не вернется? Как Юаньцзин перенесет это знание?

Пусть лучше всё остается так. Пусть Юаньцзин живет своей жизнью, учится, общается с друзьями. Теперь у него есть отец и наставник, он не пропадет.

И всё же Циншань не выдержал. Он шагнул вперед и крепко, почти до боли, прижал Юаньцзина к себе. Всего на мгновение. А затем резко отстранился.

— Будь у меня младший брат, он был бы точно таким, как ты. А о брате нельзя не заботиться. Юаньцзин, береги себя. Юнго ждет меня впереди, так что я не пойду прощаться с дядей Цзи. Будьте здоровы.

Сказав это, он решительно развернулся и зашагал прочь, не давая Юаньцзину возможности ответить.

Только тогда Юаньцзин заметил на выезде из переулка военную машину. Разлука наступила внезапно, а слова Циншаня о «брате» заставили глаза жечь от подступивших слез. Юноша смотрел вслед уходящему мужчине, и мир перед ним расплылся.

— Брат Цзян! — внезапно крикнул он во весь голос. — Я буду ждать тебя! Возвращайся живым! Обязательно возвращайся!

Циншань вздрогнул, его шаг на мгновение замедлился, но он заставил себя не оборачиваться. Он почти бегом преодолел оставшееся расстояние, рывком открыл дверцу и сел в машину.

— Поехали, — хрипло бросил он.

Тао Юнго промолчал. Он видел покрасневшие глаза друга — Циншань не выглядел так даже тогда, когда получил тяжелое ранение. Юнго лишь молча сжал его плечо и завел двигатель.

Юаньцзин добежал до угла переулка, но увидел лишь удаляющийся свет габаритных огней.

Когда машина окончательно скрылась из виду, Юаньцзин провел рукой по лицу. Пальцы стали влажными. В груди ныло. Он думал, что у него в запасе еще уйма времени, чтобы разобраться в своих чувствах и отношениях с Циншанем, но реальность оказалась жестокой — этого времени могло и не быть.

Сможет ли он прожить оставшиеся десятилетия без этого человека рядом? Сердце уже дало ответ.

Что он может сделать сейчас?

Юаньцзин колебался лишь секунду, а затем быстро пошел обратно. Ему казалось, что он учится быстро, но теперь он понял — этого недостаточно. Ему нужно удвоить, утроить усилия. Нужно как можно скорее стать не просто квалифицированным, а выдающимся врачом.

Он молил небо лишь об одном: чтобы война подождала еще немного. Чтобы у него было время научиться спасать жизни. Чтобы у Циншаня был шанс.

Когда Юаньцзин переступил порог дома, на его лице уже не было слез, только глаза оставались покрасневшими. Цзи Чанлинь удивился, что сын вернулся один.

— Папа, брат Цзян уехал в часть, — Юаньцзин слабо улыбнулся. — Его переводят в южный военный округ, так что времени на прощание не было. Прости. Я пойду, мне нужно

позаниматься.

— Хорошо, иди, — ответил отец. Он сожалел, что Циншань уехал так быстро, но понимал: долг офицера превыше всего.

С того дня Юаньцзин стал работать на износ. Если раньше он вкладывал в учебу все свои силы, то теперь он требовал от себя невозможного.

Цзи Чанлинь видел это, но не мог остановить сына. Он лишь старался получше кормить его, пока сам еще не вышел на работу, пытаясь хоть как-то поддержать его силы.

Чжан Хэлю тоже заметил перемены. Он и раньше поражался способностям ученика, но теперь тот демонстрировал просто взрывной рост. Однако через месяц наставник увидел, как Юаньцзин осунулся и похудел. Даже строгий Чжан Хэлю не выдержал.

— Юаньцзин, ты учишься невероятно быстро. За полгода ты прошел путь, на который у других уходят годы. Не загоняй себя. Врачу нужен ясный ум и здоровое тело. Если ты свалишься от истощения, твои знания никому не помогут. Посмотри на меня: я больше не могу использовать золотые иглы, силы не те, перешел на серебряные. Не повторяй моих ошибок.

Юаньцзин понимал, что учитель говорит от сердца.

— Не волнуйтесь, наставник, я справлюсь. Как раз сейчас я собираюсь приготовить партию лекарств, не присмотрите за мной?

— Хорошо, хорошо, — с готовностью отозвался старик.

Большая часть этих пилюль предназначалась для Циншаня. Как только пришло первое письмо с его нового места службы, Юаньцзин начал собирать травы. Он готовил составы, обсуждая каждый нюанс с Чжан Хэлю — теперь его уровень был на голову выше того, что он демонстрировал в деревне.

Посылка ушла на юг. Лекарств было много — и для Циншаня, и для Тао Юнго, и для их сослуживцев.

К концу года Юаньцзин завершил большую часть университетской программы. О его успехах в китайской медицине и говорить не приходилось: Чжан Хэлю в шутку ворчал, что ученик уже перерос его, и теперь старик доверял Юаньцзину самых сложных пациентов, требующих тонкой работы с золотыми иглами.

В определенных кругах столицы имя Цзи Юаньцзина стало приобретать известность. Многие знали: этот блестящий студент-медик не только постигает западную науку, но и является преемником великого мастера традиционной медицины, превзошедшим учителя в искусстве

акупунктуры.

Несмотря на колоссальную занятость, Юаньцзин находил время следить за новостями. Отношения с Советским Союзом ухудшались, а на границе с Вьетнамом обстановка накалялась с каждым днем. Он понимал: столкновение неизбежно.

И предчувствие его не обмануло. В феврале семьдесят девятого года прогремели первые залпы. Началась война.

<http://bllate.org/book/15835/1439478>